

23.5 - Интерлюдия - Одноглазая, четырехрукая ящерицы

Он родился деформированным. Его сердце семьи было нетронутым, но все остальное было странным. Он знал вскоре после рождения, что другие считали его странным. Он не знал, как воспринимать эти взгляды. Когда он подрос, он научился распознавать эти взгляды. Жалость, сочувствие, любопытство. Они не были злонамеренными, но они причиняли неудобство. Его родители, братья и сестры утешали его огорченное сердце как могли, но они не понимали, что именно его мучило.

В своей колонии он нашел другого такого же, как он сам со странными и чуждыми руками, растущими из его спины. Он был благодарен, что не был одинок в своем уродстве. Но также стало ясно, что они были не совсем такими же. Другая особь была сильнее, и до тех пор пока он не перенапрягал себя, он мог жить нормально.

Зависть росла в его сердце. Они были друзьями, даже товарищами, но это не останавливало ревность. Одноглазой ящерице, казалось, всегда требовалась помощь во всем, и его семья была всегда готова сделать все для него. Зависть начала перерастать в гнев, и его семья не знала, как успокоить растущую в его сердце боль.

Когда он стал достаточно взрослым, он покинул убежище своей семьи. Он пытался самостоятельно зарабатывать себе на жизнь и все делать сам. Если бы только его нога могла двигаться, когда ему было нужно. Если бы только пища не выскальзывала из его челюсти, когда он ел. Если бы только эти вторые руки не мешали. Если бы только он мог видеть своим правым глазом. Он едва выживал самостоятельно. Его гнев вырос настолько, что он не позволял никому помогать ему, даже когда он нуждался в этом. Он хотел доказать хотя бы себе, что может быть самодостаточным.

Он был ужасно на себя зол. Его желание быть самодостаточным заставило его оттолкнуть тех, кто только стремился ему помочь. Он знал, что не сможет остановить себя теперь, когда он начал. В какой-то момент в то время как он нес дрова обратно в свое худо построенное убежище, он случайно уронил груз. Его правая нога решила перестать работать в этот момент, и он споткнулся обо все дерево, которое он собрал, и его левая рука резко ударилась о скалы, пытаясь защитить его лицо. Этого было достаточно, чтобы сломать кость возле локтя. Он закричал от боли, кровь сочилась из острых порезов прямо на скалу.

В тот момент все его зависть, ревность и гнев превратились в отчаяние. Он не мог этого сделать. Если он будет продолжать поддерживать эту нелепую идею и пытаться жить самостоятельно, он может закончить тем, что просто убьет себя. Он уж почти подумал, что было бы лучше, если бы он так и сделал.

Он лежал там некоторое время. Те, кто знали его, боялись ему помочь из-за страха, что он набросится на них, и он купался в этом чувстве жалости к себе и депрессии. Он был готов сдаться.

Когда он начал падать по этой нескончаемой спирали страдания, он вдруг почувствовал, как был поднят с земли. Сильная самка Защитник подняла его и перекинула через плечо. Он двинулся в знак протеста, возвращаясь к своим гневным способам, но ослепляющая боль в его руке остановила его. Так как он мог видеть только ее спину, она послала успокаивающие цвета по своему хвосту, направленному на него. Как бы ему не хотелось, он не мог остановить свои собственные цвета от криков боли, а самка сдвинула его немного, надеясь поместить его в несколько более удобное положение, и отнесла его в центр колонии.

Когда он, наконец, сел, он понял, что оказался среди слабых, тех, кто не мог позаботиться о себе. Таких же ящериц, как и он. Затерявшись в своих удручающих мыслях, он не видел, как самка ушла и вернулась обратно. У нее были две коротких палочки и длинный шнурок сплюснутой бечевки. Его единственный глаз смотрел на нее, будучи не особенно заинтересованным в этой самке, которая, наконец, отправила его в последнее место, где он хотел бы быть, место, в котором он теперь заслуживал быть.

Внезапная боль в его руке сделала все вокруг белым. Его мир бурно закрутился. Он был почти уверен, что испытывал такое же волнение, как при стихийном бедствии, о котором слагались первые чешуйчатые песни. Он вскрикнул от боли и попытался подвинуть свою руку, но самка была гораздо сильнее, чем он, и быстро его удержала. Боль не исчезала, но в конечном итоге уменьшилась, и своим хорошим глазом он посмотрел вниз на свою левую руку. Палочки держали его локоть прямо, а бечевка удерживала его руку на месте, чтобы она не двигалась. Это было неудобно. Он передвинул свою правую руку для того, чтобы снять эту нелепую вещь, но рука самки вытянулась вперед и схватила ее, заставляя его посмотреть на нее. Ее чешуя переливалась в предупреждении и опасности.

Он ответил вспышками раздражения, желая, чтобы его оставили в покое. Но то, как она ответила, потрясло его. Она указала на сердце семьи, мерцающее в центре ее груди этим знакомым светло-голубым светом, который знали все ящеры. , она блеснула ему очень спокойно.

Он хотел возразить, но остался безмолвен. Он знал так же, как и любой, что сердце семьи всегда было с ними. Оно никогда не помогло бы ему построить его плохую хижину или запастись едой, но оно наблюдало за ним, за ними всеми. Он так долго был сам по себе, что забыл этот простой факт. В некотором смысле это уредило его.

Боль и печаль изливались из его собственного сердца семьи. Они были погребены за его гневом. Почему они вышли сейчас, спустя все это время? Он не мог остановить свои темные перья от мерцания суровыми эмоциями. Самка ему ничего не сказала, но она держала его близко к себе, утешая его физической близостью, от которой он так давно отказался. Низкое, успокаивающее мурлыканье глубоко в ее горле эхом отдавалось от ее тела к его, в то время, как эмоции терзали его.

Вскоре он узнал, что Защитник принесла его в центр не для того, чтобы он жил с инвалидами, а только для того, чтобы получить предметы для перевязки его сломанной руки. Находясь в патруле, она часто помогала не только отбиваться от врагов, но также помогала другим ящерицам, которые были ранены за пределами колонии. Знание таких вещей, как наложить шину, которая теперь украшала его руку, передавалось в течение нескольких поколений, хотя они не знали, откуда изначально возникли эти знания. Несмотря на то, что он был внутри колонии, увидев травмированную ящерицу, она брала на себя обязательство оказывать ей помощь, точно также, как она бы сделала это для кого угодно.

В итоге она принесла его обратно в худо возведенную хижину для того, чтобы он отдыхал. Несмотря на его протесты, она принесла ему еду, но позволила ему поесть самому. Когда он попытался отдохнуть, он был разбужен шумным шуршанием. Он увидел, как самка укрепляла его хижину, чтобы та не обрушилась ему на голову, поскольку это уже случалось когда-то в прошлом. Она заменила его соломенную крышу на правильно уложенные вязанки и перестроила все ее строение. По существу она перестроила всю его хижину.

Он пытался заставить ее уйти, но она ответила, что ему нужно отдыхать. Не имея возможности остановить ее, он позволил ей делать то, что заблагорассудится. После нескольких дней под

осадой ее хорошей воли, в один прекрасный день, когда он проснулся, он нашел кусок дерева и инструмент для резьбы, оставленные на полу его хижины. У него не было таких вещей, и он был уверен, что их должно быть принесла она. Когда она позже заглянула к нему со свежей водой, он спросил ее об инструментах. Она ответила, что это для того, чтобы он не скучал, пока выздоравливает. Он мог использовать свои ноги для того, чтобы держать плоский кусок дерева, и вырезать с помощью своей хорошей правой руки. Поначалу, он не притрагивался к очевидному подарку, рассматривая его с презрением. Но скука в конечном счете сподвигла его на то, чтобы он попробовал свои силы в этом.

Он никогда не пробовал себя в искусстве или ремеслах, которым казались так увлечены другие ящерицы; его способностей едва хватило на то, чтобы возвести крышу над своей головой. Сначала он начал с простых конструкций и медленно наполнял дощечку простыми линиями и формами. Когда он отделал одну дощечку резьбой, он находил новый чистый лист после пробуждения на следующий день. Таким образом, пока его рука заживала, в первый раз в своей жизни он нашел страсть. Он наслаждался резьбой. Даже его две крошечных мутантных руки не мешали ему. Теперь поглощенный в своей резьбе, не попадающая в видение его хорошего глаза самка наблюдала за ним, часто переливаясь в улыбке.

После того, как его рука начала выздоравливать, самка дала ему работу по дому. Она проводила там столько времени, что одноглазая ящерица, наконец, предложила ей проводить здесь и ночи, так как она так или иначе всегда слонялась вокруг. Если бы у нее был другой дом, она редко бы приходила сюда. Любезно она приняла другое меховое одеяло, которое было в его доме, в знак того, что она наконец была здесь желанным гостем.

Мало-помалу он начал замечать, что гнев в его жизни стал утихать. Если действительно сесть и подумать об этом, все было почти спокойно. Он не чувствовал себя настолько спокойно в течение длительного времени, может быть, никогда. Однажды ни с того ни с сего он спросил у самки, почему она так много сделала для него. Она ответила, что она сделала только то, что хотела и должна была сделать. И это было правдой. То, с чем он мог справиться самостоятельно, она позволяла сделать ему самому. Если он хотел сделать что-то, она позволяла ему это сделать, в не зависимости от того, удавалось ли это ему или нет. Если это подвергало его опасности, она могла помочь, если он начинал терять контроль над своими действиями, в противном случае она позволяла ему делать так, как ему нравится.

В дополнение к чувству спокойствия, он также чувствовал свободу. Он пытался освободиться сам, действуя по своему усмотрению, не принимая помощь от кого-либо, но это все только напомнило ему, что он был ограниченным. И все же, когда она помогала ему, он не чувствовал себя ограниченным или неспособным; он ощущал больше свободы, чем когда-либо имел в своей жизни. Благодаря ей, он мог жить так, как хотел. Не как какой-то инвалид, о котором всегда нужно было заботиться, а как просто еще одна ящерица в колонии.

Видя, что он успокоился, другие ящерицы часто предлагали ему помощь, но, как правило, самка Защитник отвергала их. Она была уверена в его способности выполнять действия самостоятельно. Эта уверенность передалась от нее к нему, вдохновляя его на то, чтобы сделать больше. Она была чрезмерно заботлива, и когда он нуждался в помощи, она всегда хотела быть тем, кто сможет ему помочь.

Он понял, что в один прекрасный день она завершила его. Она была словно его вторая половина. В ту ночь он не спал под своим меховым одеялом, вместо этого он спал вместе с ней. Она приняла его собственное своеволие без вопросов. Он не знал, почему ему потребовалось так много времени, чтобы понять, что он чувствовал к ней. Она была единственной, никто другой не мог с ней сравниться. Его рука давно зажила, но он не выгнал ее. Любящие цвета

мерцали на его чешуе в ту ночь, и она ответила тем же.

После этого он проводил свое время не просто за резьбой, но за тем, чтобы вложить всю свою любовь в безделушки, которые затем бы подарил своей любимой. Он начал с браслета, возможно потому, что они повстречались благодаря его сломанной руке. Он скрутил несколько маленьких красивых камней вместе и обменял одну из своих резных работ на красивую ракушку с берега. С главным украшением в виде ракушки он подарил ей прекрасный подарок, сделанный только для нее. Ее цвета мелькали так, как он никогда не видел раньше. Румянец ящерицы, полный девичьего смущения, благодарности и любви. Ее хвост извивался бездумно в чистой радости. Она была настолько переполнена счастливыми эмоциями, она не могла даже смотреть на одноглазую ящерицу или его подарок, боясь, что она просто лопнет от блаженства. Она никогда раньше не получала такой подарок, особенно от того, кого любила всем сердцем. Ее реакция была настолько очаровательной, что ему захотелось делать больше вещей для нее.

Теперь он наслаждался жизнью в своей колонии, и все те, кто были вокруг него, особенно его родители, братья и сестры, были благодарны самке Защитнику, которая в конце концов принесла мир в его сердце. Такие вещи, как комплименты и сердечная благодарность всегда вызывали у нее смущенную реакцию и заставляли ее очаровательно краснеть. Он почти завидовал тому, что был не единственным, кто видел ее такой. Он наладил отношения с другим четырехруким другом, который также нашел любящую семью, которую мог называть своей, и уже успел обзавестись детьми. Одноглазая ящерица с удивлением обнаружила, что около половины детей разделили ту же самую четырехрукую черту как и они.

В то время как два друга налаживали отношения, Защитник одноглазой ящерицы играла с детьми своего друга, и он вдруг почувствовал желание увидеть, как она играет со своими детьми. Были времена, когда он думал, что не должен иметь детей, поскольку они получатся такими же, как он, но теперь он мог видеть, глядя на детей своего друга, что несмотря ни на что, они будут в порядке. Они не будут одиноки.

В ту ночь двое сильно любящих обнимали друг друга, надеясь в ближайшее время заиметь своих собственных детей. Позже, когда они спокойно лежали под меховым одеялом, самка обнимала свое одноглазого самца сзади, стараясь не придавить его вторые руки, а он нежно переливался к ней.

Он спросил, почему она выбрала его. Она помолчала мгновение в раздумьях, пока он поворачивался в ее объятиях к ней лицом, чтобы увидеть ее ответ, оборачивая свой раздвоенный хвост вокруг одной из ее ног. Найдя слова, которые она хотела сказать, она передала, что он был тружеником. Он не совсем понял, но она разъяснила. Она всегда видела, как он работал сам, несмотря на свои недуги или, возможно, благодаря им. Он всегда подталкивал себя вперед. Она влюбилась в него задолго до того, как он встретил ее. И вот, когда он был на земле и страдал от боли, она инстинктивно пошла к нему, чтобы помочь.

Он признал, что, хотя в тот момент он не был этому рад, сейчас он был рад тому, что она ему помогла, в противном случае он, вероятно, вел бы одинокую жизнь среди других инвалидов...или, может быть, вовсе не жил. Она прижала его близко к себе и замелькала всякими успокаивающими и любящими цветами. .

Он согласился. Ему потребовалось много времени, чтобы запомнить это. Жизнь без семьи была пуста. Причина, по которой он чувствовал себя завершенным с ней, была в том, что она была его семьей. Конечно, его четырехрукий брат чувствовал то же самое со своей семьей, также как его собственные родители. Теперь он даже почувствовал благодарность по отношению к гневу и обиде, которые существовали в его сердце в начале его жизни, потому что без них, он,

вероятно, никогда бы не встретил свою возлюбленную. Он бы взял на себя всю боль, все пытки, все любопытные и сочувственные взгляды, которые он терпеть не мог, только для того, чтобы снова встретиться с ней. Для того, чтобы она могла залечить его раны, перестроить его дом и исцелить его сердце.

Какое бы будущее не лежало перед ним, он был готов встретиться с ним вместе со своей любимой. Его чувства разливались через сердце семьи, и Надзиратель, который наблюдал за ними, был рад за него.

<http://tl.rulate.ru/book/612/17963>